

**DVOJAZYČNÁ
KNIHA
PRO MÍRNĚ
POKROČILÉ ★★**

Таинственные истории о жизни и смерти

Tajemné příběhy o životě a smrti

Úprava pro výuku: Aljona Podlesnych

- zrcadlový český překlad
- okomentované gramatické a lexikální jevy
- testy na porozumění textu

MP3 Povídky v ruštině
namluvené rodilou mluvčí

edika.

Таинственные истории о жизни и смерти

Tajemné příběhy o životě a smrti

**Edika
Brno
2015**

Таинственные истории о жизни и смерти

Tajemné příběhy o životě a smrti

Úprava původního textu: Aljona Podlesnych

Překlad: Jana Hrčková

Odborná korektura: Olga Čermáková

Ilustrace: Lenka Jeřábková

Obálka: Martin Sodomka

Odpořevdná redaktorka: Yulia Mamonova

Technický redaktor: Jiří Matoušek

CD nahráno: Studio 22

Režie a editace: Mario Buzzi

Ruský hlas: Yulia Mamonova

Hudba: Mario Buzzi

Translation © Jana Hrčková, 2015

Objednávky knih:

www.albatrosmedia.cz

eshop@albatrosmedia.cz

bezplatná linka 800 555 513

ISBN 978-80-266-0640-6

Vydalo nakladatelství Edika v Brně roku 2015 ve společnosti Albatros Media a. s. se sídlem Na Pankráci 30, Praha 4. Číslo publikace 19048.

© Albatros Media a. s. Všechna práva vyhrazena. Žádná část této publikace nesmí být kopířována a rozmnožována za účelem rozšiřování v jakékoli formě či jakýmkoli způsobem bez písemného souhlasu vydavatele.

1. vydání

ALBATROS MEDIA a.s.

Úvod

Nová sbírka zkrácených povídek představuje tři krátká díla ruských klasiků, která spojuje téma mystiky a tajemství v lidském životě. Máte před sebou upravenou verzi povídek A. K. Tolstého „Vlkodlaci“, I. S. Turgeněva „Po smrti (Klára Miličová)“ a L. N. Andrejeva „On“.

V mládí vzdal A. K. Tolstoj hold žánru fantasy. Jeho povídka „Vlkodlaci“ byla napsána francouzsky v roce 1838, když mu bylo něco málo přes dvacet let. Povídka o hordách upírů je inspirována romantickou literaturou a z pohledu současného čtenáře připomíná hollywoodské thrillery.

I. S. Turgeněv tvrdil, že láska je v mnohém nevyzpytatelná emoce, mající tajemnou podstatu a mystický základ. Této myšlence je věnována jeho povídka „Po smrti (Klára Miličová)“, jejíž osnovou je magická láska mezi dvěma mladými lidmi – Jakovem Aratovem a herečkou Klárou Miličovou.

Sám název díla L. N. Andrejeva nese pečeť tajemna (zájmeno místo jména v názvu povídky už naznačuje něco záhadného). Podtitul „Příběh neznámého“ vyjadřuje ten samý účel. Vypravěč líčí neobyčejné, nevysvětlitelné události, proto autor počítá s tím, že čtenář si sám dokreslí tajemný obraz toho, co se odehrálo.

Přeji Vám příjemné čtení a jednoduché procvičení ruského jazyka na mistrovských dílech ruských klasiků!

Aljona Podlesnych

Алексей Константинович Толстой

Семья вурдалака

Неизданный отрывок из записок неизвестного

-1-

События происходили в 1815 году в Вене. Два раза в неделю весёлое общество, к которому принадлежал и я, собиралось у княгини Шварценберг. Хозяйка дома была мила, приветлива, остроумна, и гостить у неё было очень приятно.

По утрам мы обычно ходили на прогулку. Обедали мы все вместе либо в замке, либо в его окрестностях, а вечера проводили у камина, беседовали и рассказывали всякие истории.

Среди нас был маркиз д'Юрфе. Все любили этого старика-эмигранта за его чисто юношескую весёлость и ту особую остроту, которую он придавал рассказам о своих былых любовных похождениях. Однажды вечером он вдруг сказал:

– Ваши истории, господа, весьма необыкновенны, но я думаю, что им недостаёт одной существенной черты – подлинности. Никто из вас своими глазами не видел те удивительные вещи, о которых рассказывал, и не может подтвердить их истинность.

Нам пришлось с этим согласиться, и старик продолжал:

– А мне, господа, известно одно приключение, настолько страшное и настолько достоверное, что ввергнет в ужас любого. К моему несчастью, я был и свидетелем и участником этого события. И сегодня я готов рассказать о случившемся.

Слушать захотели все. Господин д'Юрфе взял щепотку табаку, медленно потянул её и начал:

– Прежде всего, господа, прошу у вас прощения, если мне придётся говорить о моих любовных увлечениях чаще, чем это подобает человеку в моём возрасте. Но ради полной ясности мне о них нельзя не упоминать.

* Pokud chcete zdůraznit, že se nějaký děj odehrává pravidelně, použijte následující ruskou vazbu: **předložka ПО + 3. pád množného čísla**: по утрам (*každé ráno*), по вечерам (*každý večer*), по вторникам (*každé úterý*), по будням (*každý všední den*).

Alexej Konstantinovič Tolstoj

Vlkodlaci

Nevydaný úryvek ze zápisů neznámého

-1-

Události se odehrály v roce 1815 ve Vídni. Dvakrát v týdnu se veselá společnost, k níž jsem také náležel, scházela u kněžny Schwarzenbergové. Hostitelka byla milá, přívětivá, vtipná a být jejím hostem bylo velmi příjemné.

Po ránu jsme obvykle chodili na procházky. Obědvali jsme společně buď na zámku, nebo v jeho okolí, večery jsme pak trávili u krbu, besedovali a vyprávěli si různé příběhy.

K naší společnosti patřil i markýz d'Urfé. Všichni tohoto starého pána, emigranta, měli rádi pro jeho ryze mladický elán a pro ten zvláštní říz, který dodával příběhům o svých milostných eskapádách. Jednou večer najednou řekl:

– Vaše příběhy, pánové, jsou velice neobvyklé, myslím si však, že se jim nedostává jedné podstatné črty, a to pravdivosti – nikdo z vás neviděl na vlastní oči ty podivuhodné věci, o nichž tu vyprávěl, a nemůže proto potvrdit jejich pravdivost.

Nezbylo nám, než s ním souhlasit, a stařík pokračoval:

– Znam, pánové, jeden příběh natolik strašlivý a natolik hodnověrný, že každého vyděsí. K mému neštěstí jsem byl svědkem i účastníkem této události. A dnes jsem připraven vám o tom, co se stalo, vyprávět.

Poslouchat chtěli všichni. Pan d'Urfé si vzal špetku tabáku, pomalu si šňupl a začal:

– Především mne, pánové, prosím omluvte, pokud budu muset hovořit o svých srdečních záležitostech častěji, než je to vhodné pro člověka mého věku. Avšak v zájmu úplné srozumitelnosti je nemůžu nezmínit.

* Móda šňupat tabák se v Evropě objevila v polovině 17. století a udržela se téměř dvě století. Ruský výraz «щепотъ, щепотка» označuje malé množství čehokoli sypkého, co je možné nabrat třemi prsty, jejichž konečky jsou spojeny k sobě. Odpovídá českému výrazu „špetka“, se kterým se také často setkáváte v kuchařských receptech ve významu špetka soli, špetka pepře.

В то далёкое время я был без памяти влюблён в прекрасную герцогиню де Грамон. Эта любовь не давала мне покоя ни днём, ни ночью. Герцогиня не отвечала мне взаимностью, а только усиливала мои страдания своим кокетством. И тогда, в минуту крайнего отчаяния, я решил переехать по службе в другой город. Накануне отъезда я явился к герцогине. Она отнеслась ко мне менее насмешливо, чем обычно. В голосе её чувствовалось волнение, когда она мне сказала:

– Д'Юрфе, вы делаете очень неразумный шаг. Но я вас знаю, и понимаю, что от принятого решения вы не откажетесь. Поэтому прошу вас только об одном – возьмите вот этот крестик как залог моей дружбы и носите его, пока не вернётесь. Это семейная реликвия, которой я очень дорожу.

Я надел на шею вот этот крестик, с которым с тех пор не расставался.

Итак, я уехал. Проездом я оказался в одной сербской деревне. Обитателей дома, в котором я остановился, я нашёл в состоянии подавленности. Это удивило меня ещё и потому, что дело было в воскресенье – день, когда сербы обычно веселятся и развлекаются. Сначала я подумал, что печальное настроение этих людей связано с недавно случившейся бедой. Я хотел уйти, но ко мне подошёл высокий и крупный мужчина лет тридцати.

– Входи, – сказал он, – входи, чужеземец, и пусть не пугает тебя наша печаль; ты её поймёшь, когда узнаешь причину.

И он мне рассказал, что несколько дней назад его отец, которого звали Горча, поднялся с постели, снял со стены длинную турецкую пищаль и обратился к своим сыновьям, Георгию и Петру:

– Дети, я иду в горы, хочу с другими смельчаками поохотиться на Алибека (так звали разбойника-турка, который в последнее время разорял весь край). Ждите меня десять дней, а если на десятый день не вернусь – значит, меня убили. Но если я вернусь позднее, то не впускайте меня в дом. Если будет так, приказываю вам: забудьте, что я ваш отец, и вбейте мне осиновый кол в спину, потому что я теперь проклятый вурдалак и пришёл сосать вашу кровь.

* без пámяти (*fraz.*) – velmi silně

V těch dávných dobách jsem byl bláznivě zamilován do překrásné vévodkyně de Gramon. Ta láska mi nedopřávala klidu ve dne v noci. Vévodkyně mou lásku neopětovala a pouze zesilovala mé trápení svou koketerií. A tehdy, v okamžiku naprostého zoufalství, jsem se rozhodl odjet služebně do jiného města. V předvečer odjezdu jsem navštívil vévodkyni. Chovala se ke mně méně výsměšně než obvykle. Její hlas zněl rozrušeně, když na mne promluvila:

– D'Urfaei, děláte velmi nerozumný krok. Já vás ovšem znám a chápu, že od učiněného rozhodnutí už neustoupíte. Proto vás prosím jen o jedno – vezměte si tento křížek jako důkaz mého přátelství a noste jej, dokud se nevrátíte. Je to rodinná památka, jíž si velmi cením.

– Navlékl jsem si tento křížek na krk a od té doby jsem se s ním nerozloučil.

Nuže tedy, odjel jsem. Cestou jsem se ocitl v jedné srbské vsi. Obyvatele domu, v němž jsem se zastavil, jsem nalezl v ponuré náladě. To mne překvapilo i proto, že byla neděle, den, kdy se Srbové obvykle veselí a baví. Nejprve jsem si pomyslel, že smutná nálada těchto lidí má něco společného s nedávným neštěstím. Chtěl jsem již odejít, avšak přistoupil ke mně asi třicetiletý, vysoký, mohutný muž.

– Vejdi, – řekl, – vejdi, cizince, a nechť tě neleká náš zármutek; pochopíš ho, až poznáš příčinu.

A vyprávěl mi, že před několika dny jeho otec, jenž se jmenoval Gorča, vstal z postele, sundal ze stěny dlouhou tureckou mušketu a řekl svým synům, Georgiovi a Petrovi:

– Děti, jdu do hor, chci se s ostatními odvážlivci zúčastnit honu na Alibeka (tak se jmenoval turecký loupežník, který v poslední době plnil celý kraj). Čekajte na mne deset dní, a pokud se desátý den nevrátím, pak to znamená, že mne zabili. Pokud se však vrátím později, nepouštějte mne do domu. Jestli se tak stane, příkazuji vám: zapomeňte na to, že jsem váš otec, a vtlučte mi do zad osikový kůl, protože jsem odteď prokletý vlkodlak a přišel jsem sát vaši krev.

* **Mušket** je starodávná těžká pistole nabíjená zepředu.

Надо сказать, что *вурдалаки* – это мертвецы, которые встали из могил, чтобы сосать кровь живых людей. У них те же повадки, что у всех вампиров, но есть и одна особенность. *Вурдалаки* сосут предпочтительно кровь у своих близких родственников и лучших друзей. А когда те умрут, то тоже становятся вурдалаками. Говорят, будто в Боснии и Герцеговине население целых деревень превращалось в *вурдалаков*.

Теперь вам легко представить, какое действие слова старого Горчи произвели на его сыновей. Они упали к его ногам и умоляли, чтобы он позволил им отправиться вместо него. Но тот молча повернулся к ним спиной и пошёл прочь. День моего приезда был как раз десятый день от ухода Горчи, и мне было нетрудно понять волнение его детей.

Это была дружная семья. Старший сын Георгий был, по-видимому, человек строгий и решительный. Он был женат, и у него было двое детей. У Петра, красивого восемнадцатилетнего юноши, лицо было мягким, и его особенно любила младшая сестра Зденка.

Об этой девушке я хочу сказать особенно. Кроме её красоты, меня поразило и её отдалённое сходство с герцогиней де Грамон. У этих двух женщин была особенная черта – складочка над глазами, которую я больше никогда ни у кого не встречал. Эта чёрточка могла и не понравиться с первого взгляда, но стоило увидеть её несколько раз, как она с неодолимой силой привлекала вас к себе. С первой минуты я испытал к Зденке симпатию. Возможно, она обязательно превратилась бы в нежное чувство, если бы я дольше остался в той деревне.

Мы все сидели во дворе за столом. Зденка пряла, Пётр что-то насвистывал. Георгий не сводил глаз с дороги и молчал. Я же меланхолично глядел на вечерние облака и на очертания монастыря, который виднелся над соновым лесом.

Этот монастырь, как я узнал позднее, славился чудотворной иконой богоматери. По преданию, её принесли ангелы и оставили на ветвях дуба. Но в начале минувшего века в те края вторглись турки, они убили монахов и разорили монастырь. Оставались только стены и часовня, где службу совершал некий отшельник. Он водил посетителей по развалинам и давал приют богомольцам, которые охотно останавливались в монастыре «божьей матери дубравной». Всё это, как я уже упомянул, мне стало известно лишь впоследствии.

* Dejte pozor na skloňování slov **деревня, кўхня, бáрышня!** Tvar 2. pádu množného čísla mají totiž na rozdíl od ostatních podobných slov (podstatná jména ženského rodu na -ня s předcházející souhláskou) S MĚKKÝM ZNAKEM: бáшен, вишен, ALE *деревень, кўхонь, бáрышень!*

Dlužno říci, že vlkodlaci jsou mrtví, kteří vstávají z hrobů, aby sáli krev živých lidí. Mají stejné zvyky jako i ostatní vampýři, je tu však jedna zvláštnost. Vlkodlaci sají přednostně krev svých blízkých příbuzných a nejlepších přátel. A když ti zemřou, rovněž se stávají vlkodlaky. Říká se, že v Bosně a Hercegovině se ve vlkodlaky proměňovaly celé vesnice.

Nyní si snadno představíte, jaký účinek měla slova starého Gorči na jeho syny. Padli mu k nohám a zapřísahali ho, aby se mohli vydat do hor místo něj. Ten se k nim však mlčky obrátil zády a odešel. Byl zrovna desátý den od odchodu Gorči, když jsem projížděl kolem. Nebylo pro mne obtížné pochopit neklid jeho dětí.

Byla to přátelská rodina. Starší syn Georgij byl podle všeho člověk přísný a rozhodný. Byl ženatý a měl dvě děti. Petr byl krásný osmnáctiletý mladík jemných rysů a velmi ho milovala mladší sestra Zdenka.

O téhle dívce bych se chtěl zmínit zvlášť. Kromě její krásy mne překvapila i její vzdálená podoba s vévodkyní de Garmon. Tyto dvě ženy měly společný neobvyklý rys – vrásečku nad očima, se kterou jsem se už nikdy u nikoho jiného nesetkal. Tahle rýha se nemusela na první pohled líbit, stačilo ji však několikrát zahlédnout a již vás k sobě neodolatelně přitahovala. Od první chvíle jsem pociťoval ke Zdence sympatii. Byla by se jistě změnila na něžný cit, pokud bych v té vsi zůstal delší dobu.

Všichni jsme seděli u stolu na dvoře. Zdenka předla, Petr si něco pohvizdoval. Georgij nespouštěl oči z cesty a mlčel. Zatímco já jsem si melancholicky prohlížel večerní oblaka a obrysy kláštera, jenž probleskoval nad borovicovým lesem.

Tento klášter, jak jsem se dozvěděl později, proslul svou zázračnou ikonou Matky Boží. Podle pověsti ji přinesli andělé a zanechali na větvích dubu. Avšak na začátku minulého století do toho kraje vtrhli Turci, zabili mnichy a klášter vydrancovali. Zůstaly jen stěny a kaple, v níž sloužil mši jakýsi poustevník. Provázel návštěvníky po rozvalinách a poskytoval útočiště poutníkům, kteří se ochotně zastavovali v klášteře „Matky Boží pod dubem“. To vše, jak už jsem zmínil, jsem se ale dozvěděl až později.

* **не сводить (не спускать) глаз** с кого/чего (*fraz.*) – pozorně, upřeně se na někoho/něco dívat, nespouštět zrak

Георгий вдруг нарушил молчание:

– В котором часу ушёл старик?

– В восемь часов, – ответила его жена.

– Хорошо, – проговорил Георгий, – сейчас половина восьмого, не позднее. Он замолчал и опять уставился на большую дорогу.

Я забыл вам сказать, господа, что когда сербы подозревают в ком-нибудь вампира, то избегают называть его по имени или упоминать о нём прямо. Они думают, что так его можно вызвать из могилы. Вот почему Георгий, когда говорил об отце, уже некоторое время называл его не иначе, как «старик».

Молчание продолжалось ещё несколько минут. Вдруг один из мальчиков спросил у Зденки:

– Тётя, а когда дедушка придёт домой?

В ответ на столь неуместный вопрос Георгий дал ребёнку пощёчину. Мальчик заплакал, а его младший брат испуганно спросил:

– А почему нам нельзя говорить о дедушке?

Новая пощёчина – и он тоже примолк. Мальчики заплакали, а взрослые перекрестились.

Но вот часы в монастыре пробили восемь. Едва отзвучал первый удар, как мы увидели человеческую фигуру. Человек шёл из леса в нашу сторону.

– Он! – воскликнули в один голос Зденка, Пётр и их невестка. – Слава тебе господи!

– Господи, сохрани и помилуй нас! – торжественно проговорил Георгий. – Как понять, прошло ли уже или не прошло десять дней?

Все в ужасе посмотрели на него. Человек между тем приближался к нам. Это был высокий старик с белыми усами, с бледным и строгим лицом. Он опирался на палку и двигался с трудом. По мере того как он приближался, Георгий становился всё мрачнее. Когда старик подошёл к нам, он остановился и обвёл свою семью взглядом как будто не видящих глаз – до того они были у него тусклые и впалые.

Náhle Gerorgij přerušil mlčení:

– V kolik hodin starý odešel?

– V osm hodin, odpověděla jeho manželka.

– Dobře, – odvětil Georgij, – nyní je půl osmé, ne víc. Zmlkl a opět upřel pohled na širokou cestu.

Zapomněl jsem vám říci, pánové, že když Srbové mají o někom podezření, že je upír, nikdy ho nenazývají jménem nebo nezmiňují přímo. Domnívají se, že ho tak mohou přivolat z hrobu. Proto také Georgij, když mluvil o otci, mu již nějaký čas neřekl jinak než „starý“.

Mlčení trvalo ještě několik minut. Najednou se jeden z chlapců zeptal Zdenky:

– Teto, a kdy přijde dědeček domů?

Jako odpověď na tuto ne zcela vhodnou otázku Georgij vytál dítěti políček. Chlapec se rozplakal a jeho mladší bratr se polekaně zeptal:

– A proč nesmíme mluvit o dědečkovi?

Nový políček – a také ztichl. Chlapci se rozplakali a dospělí se pokřižovali.

Vtom klášterní hodiny odbily osm. Sotva dozněl první úder, spatřili jsme lidskou postavu. Nějaký člověk šel z lesa k nám.

– To je on! – vykřikli současně Zdenka, Petr a jejich snacha. – Chvála Bohu!

– Hospodine, ochraň nás a smiluj se nad námi! – slavnostně promluvil Georgij. – Jak poznat, uběhlo-li či neuběhlo deset dnů?

Všichni na něj pohlédli v hrůze. Mezitím se člověk přibližoval k nám. Byl to vysoký stařec s bílými vousy, bledým a přísným obličejem. Opíral se o hůl a těžce se pohyboval. Podle toho, jak se k nám blížil, se Georgij stále více mračil. Stařec došel až k nám, zastavil se a obhlédl svou rodinu pohledem jakoby nevidoucích očí – tak byly kalné a zapadlé.

– Что ж это, – сказал он, – никто не встаёт, никто не встречает меня? Почему вы все молчите? Или не видите, что я ранен?

Тут я заметил, что у старика левый бок весь в крови.

– Да поддержи отца, – сказал я Георгию, – а ты, Зденка, принеси ему попить, иначе он упадёт от усталости.

– Отец, – промолвил Георгий и подошёл к Горче, – покажи свою рану, я в этом знаю толк, перевяжу тебя...

Он только взялся за его одежду, но старик грубо оттолкнул его и обеими руками схватился за бок:

– Перестань, больно мне!

– Так ты в сердце ранен! – вскричал Георгий и весь побледнел. – Скорей, скорей раздевайся, так надо – слышишь!

Старик вдруг выпрямился во весь рост.

– Берегись, – сказал он глухо, – дотронешься до меня – прокляну!

Пётр встал между отцом и Георгием.

– Оставь его, – сказал он, – ты же видишь, больно ему.

В эту минуту мы увидели стадо. Оно возвращалось с пастбища в облаке пыли. То ли пёс, что сопровождал стадо, не узнал старика, то ли другая была причина, но едва только он увидел Горчу, как остановился, ошетинился и начал выть.

– Что с этим псом? – зло спросил старик. – Что всё это значит? Неужели за десять дней я так изменился, что и собственный пёс меня не узнаёт?

– Слышишь? – сказал своей жене Георгий. – Сам говорит, что десять дней прошло!

Пёс не переставал выть.

– Застрелить его! – крикнул Горча. – Я приказываю – слышите!

Георгий не пошевелился, а Пётр со слезами на глазах встал, взял отцовскую пицаль и выстрелил в пса.

* **знать (понимать) толк** в чём (*fraz.*) – *dobře se v něčem vyznat*

– Copak to je, – řekl, – nikdo nevstává, nikdo mne nevíta? Proč všichni mlčíte? Či snad nevidíte, že jsem zraněný?

Tu jsem si všiml, že stařec má levý bok celý od krve.

– Ale tak podepři otce, – řekl jsem Georgijovi, – a ty, Zdenko, dones mu napít, jinak padne únavou.

– Otče, – promluvil Georgij a přistoupil ke Gorčovi, – ukaž mi svoji ránu, vyznám se v tom, obvážu tě...

Sotva se dotkl jeho oblečení, stařec ho hrubě odstrčil a oběma rukama se chytil za bok:

– Nech toho, bolí mne to!

– Vždyť jsi raněn do srdce! vykřikl Georgij a celý zbledl. – Honem, honem se svlékni, je to nutné! Slyšíš?

Stařec se najednou napřímil v celé své výšce.

– Dej si pozor! – řekl hluše, – dotkneš-li se mne, prokleju tě!

Petr se postavil mezi otce a Georgije.

– Nech ho, – řekl, – vidíš přece, že má bolesti.

V tom okamžiku jsme uviděli stádo. Vracelo se z pastvy v oblaku prachu. Buď pes doprovázející stádo starce nepoznal, nebo to bylo z jiného důvodu, avšak jakmile uviděl Gorču, zastavil se, naježil a začal výt.

– Co je s tím psem? – zeptal se zlostně stařec. – Co to má všechno znamenat? Opravdu jsem se za deset dní natolik změnil, že mne ani vlastní pes nepoznává?

– Slyšíš? – řekl své ženě Georgij. – Sám říká, že uběhlo deset dní!

Pes nepřestával výt.

– Zastřelte ho! – křikl Gorča. – Příkladuji to, slyšíte!

Georgij se ani nepohnul a Petr se slzami v očích vstal, vzal otcovu mušketu a vystřelil na psa.

* Všimněte si, že pro vyjádření **důrazného příkazu** v ruštině se používá infinitiv: Застрелить его! (*Zastřelte ho!*) Použít jej můžete mnohem častěji než v češtině, a to zejména se zápornkou НЕ: По газонам не ходить! Не разговаривать во время экзамена!

Тем временем Зденка приготовила питьё для старика, но он с отвращением его оттолкнул. Точно так же он отверг и блюдо с пловом, которое ему подал Георгий, и уселся около очага. Сквозь зубы он бормотал что-то невнятное. Потрескивали сосновые дрова, и дрожащие отблески огня падали на его лицо, такое бледное, такое измождённое, что его вполне можно было принять за лицо покойника. Зденка к нему подсела и сказала:

– Ты, отец, не хочешь ни есть, ни спать. Может, расскажешь, как ты охотился в горах?

Девушка знала, что эти слова тронут старика, так как он любил поговорить о боях и сражениях. И в самом деле, на его бескровных губах появилось что-то вроде улыбки. И хотя его глаза смотрели всё так же безучастно, он погладил Зденку по её белокурым волосам и ответил:

– Ладно, дочка, ладно, Зденка, я тебе расскажу, что со мной было в горах, только уж как-нибудь в другой раз. А сегодня я устал. Одно скажу: нет в живых Алибека, и убил его я. А если кто сомневается, – прибавил старик, – мне есть чем доказать!

И он развязал мешок, что висел у него за спиной, и вытащил окровавленную голову. Мы с ужасом отвернулись, а Горча отдал её Петру и сказал:

– На, прицепи над нашей дверью – пусть знает всякий, кто пройдёт мимо дома, что Алибек убит и никто больше не разбойничает на дороге!

Пётр с отвращением исполнил, что было приказано.

– Теперь понимаю, – сказал он, – бедный пёс выл оттого, что почувал мертвечину!

– Да, почувал мертвечину, – мрачно повторил Георгий, который незадолго перед тем незаметно вышел, а теперь вернулся: в руке он держал какой-то предмет, который тут же поставил в угол – как мне показалось, это был кол.

– Георгий, – вполголоса сказала ему жена, – да неужто ты...

– Брат, что ты затеял? – заговорила и сестра. – Да нет, нет, ты этого не сделаешь, верно?

– Не мешайте, – ответил Георгий, – я знаю, что мне делать...

* **Pilaf** je jídlo východní kuchyně z vařené rýže, masa a směsi koření.

Mezitím Zdenka připravila pro starce nápoj, on jej však s odporem odstrčil. Stejně tak odmítl i talíř s pilafem, který mu podal Georgij, a posadil se ke krbu. Drmolil si něco nesrozumitelného mezi zuby. Borovicová polínka praskala a třepotající se odlesky ohně mu padaly na tvář tak bledou, tak vyčerpanou, že bylo docela možné si ho splést s umrlcem. Zdenka si k němu přisedla a řekla:

– Otče, nechceš ani jíst, ani spát. Možná bys nám mohl vyprávět, jak jsi lovil v horách?

Dívka věděla, že tato slova starce rozněžní, protože rád hovořil o bojích a bitkách. A skutečně, na jeho neživých rtech se objevilo cosi, co připomínalo úsměv. Ačkoli jeho oči se stále dívaly nezúčastněně, pohládl Zdenku po jejích plavých vlasech a odpověděl:

– Dobrá, dcerko, dobrá, Zdenko, budu ti vyprávět, co se mnou bylo v horách, jen někdy jindy. Dnes jsem již unavený. Řeknu jen jednu věc: Alibek již není mezi živými a zabil jsem ho já sám. A pokud by někdo pochyboval, – dodal stařec, – mám, čím bych to dokázal!

Načež rozvázal pytel, který mu visel na zádech, a vytáhl zkrvavenou hlavu. Hrůzou jsme se odvrátili, zatímco Gorča ji předal Petrovi a řekl:

– Na, pověš to nad našimi dveřmi – ať každý, kdo projde kolem domu, ví, že je Alibek zabit a nikdo již neloupí na cestě!

Petr s odporem splnil, co mu bylo přikázáno.

– Už to chápu, – řekl, – chudák pes vyl, protože věřil mrtvolu!

– Ano, zavěřil mrtvolu, přisvědčil chmurně Georgij, který krátce předtím nepozorovaně odešel a nyní se vrátil: v ruce držel nějaký předmět, který hned postavil do kouta – připadalo mi, že to byl kůl.

– Georgiji, – řekla mu polohlasně manželka, – snad nechceš...

– Bratře, co zamýšlíš? – otázala se i sestra. – Ale ne, ne, neuděláš to, že ne?

– Nepřekážete mi, – odpověděl Georgij, – vím, co mám dělat...

* Věty s nezávislým infinitivem se mohou v ruštině používat pro vyjádření povinnosti, nutnosti: Я знаю, что мне делать. – *Vím, co mám udělat.*

Тем временем настала ночь, и семья ушла спать в ту часть дома, которую от моей комнаты отделяла лишь тонкая стенка. Признаюсь, что всё произошедшее вечером сильно на меня подействовало. Свеча уже не горела, а в маленькое окошко возле моей постели светила луна. Я хотел заснуть, но не мог. Свою бессонницу я приписывал влиянию лунного света и стал искать, чем бы завесить окно, но ничего не нашёл. Тут за перегородкой глухо слышались голоса, и я прислушался.

– Ложись, жена, – сказал Георгий, – и ты, Пётр, ложись, и ты, Зденка. Ни о чём не беспокойтесь, я посижу за вас.

– Да нет, Георгий, – отвечала жена, – сегодня я буду сидеть, ты прошлую ночь работал. Мне всё равно надо приглядеть за старшим мальчиком, – ты же знаешь, ему со вчерашнего дня нездоровится!

– Ложись и спокойно спи, – говорил Георгий, – я посижу и за тебя!

– Да послушай, брат, – промолвила теперь нежным, тихим голосом Зденка, – мне кажется, что и сидеть нечего. Отец уже уснул, посмотри, как мирно и спокойно он спит.

– Ничего вы оба не понимаете, – резко возразил Георгий. – Говорю вам – ложитесь, а я спать не буду.

Тут воцарилась полная тишина. Вскоре я почувствовал, как отяжелели мои веки, и сон меня одолел.

Но вдруг дверь в комнату как будто медленно открылась, и на пороге встал Горча. Я скорее догадывался об этом, чем видел его, потому что там, откуда он вышел, было совершенно темно. Мне показалось, что его погасшие глаза старались проникнуть в мои мысли и следили за тем, как поднимается и опускается моя грудь. Потом он сделал ко мне шаг, другой... И вот одним прыжком он очутился у моей кровати. Я испытывал невыразимое чувство страха, но неодолимая сила сковывала меня. Старик приблизил ко мне своё мертвенно-бледное лицо и так низко наклонился надо мною, что я словно ощущал его трупное дыхание. Тогда я сделал сверхъестественное усилие и проснулся весь в поту.

* Nemusíte váhat mezi slovy **луна** а **мѣсяц**, pokud chcete mluvit o nebeském tělese, přirozené družici Země. V ruštině jsou to synonyma а ani jedno není stylisticky zabarveno.

Mezitím nastala noc a rodina odešla spát do té části domu, kterou od mého pokoje oddělovala jen tenká stěna. Přiznávám, že všechny události toho večera na mne silně zapůsobily. Svíčka již nehořela a do malého okénka vedle mé postele svítil měsíc. Chtěl jsem usnout, ale nemohl jsem. Svou nespavost jsem svedl na měsíční světlo a začal jsem hledat něco, čím bych mohl zatemnit okno, nic jsem však našel. Vtom jsem zaslechl za přepážkou nějaké hlasy a zaposlouchal se.

– Lehni si, ženo, – řekl Georgij, – a ty, Petře, lehni si, i ty, Zdenko. Ničeho se nebojte, budu hlídat místo vás.

– Ale jdi, Georgiji, – odpovídala žena, – dnes budu hlídat já, ty jsi pracoval minulou noc. Stejně musím pohlídat staršího chlapce, viš přece, že od včerejška postonává!

– Lehni si a klidně spi, – pravil Georgij, – budu hlídat místo tebe!

– Ale poslechni, bratře, – promluvila nyní něžným, tichým hlasem Zdenka, – mám dojem, že není ani proč hlídat. Otec již usnul, podívej se, jak mírně a klidně spí.

– Ničemu obě nerozumíte, – ohradil se prudce Georgij. – Říkám vám – lehňte si a já spát nebudu.

Tu zavládlo naprosté ticho. Brzy jsem pocítil, jak mi ztěžkla víčka, a spánek mne udolal.

Najednou se však dveře do pokoje jakoby pomalu otevřely a na prahu stál Gorča. Spíše jsem to jen tušil, než viděl, protože tam, kam vstoupil, byla naprostá tma. Zdálo se mi, že se jeho pohaslé oči snažily proniknout do mých myšlenek a sledovaly, jak se zvedá a klesá má hrud'. Pak udělal krok mým směrem a další... A tu se jedním skokem ocitl u mé postele. Zmocnila se mne nevýslovná hrůza, avšak spoutala mne jakási nepřekonatelná síla. Stařec ke mně přiblížil svou mrtvolně sinalou tvář a sklonil se nade mnou tak nízko, že jsem doslova cítil jeho mrtvolný dech. Tehdy jsem vyvinul nadpřirozené úsilí a probudil se zbrocen potem.

* Pozor, slovo **дверь** má v ruštině na rozdíl od češtiny **tvar jednotného čísla**: дверь – dvěři.

В комнате никого не было. Зато в окне я ясно увидел старика Горчу, который снаружи прильнул лицом к стеклу и не сводил с меня своих страшных глаз. У меня хватило силы, чтобы не закричать, и самообладания, чтобы не подняться с постели, как если бы я ничего и не видел. Старик, по-видимому, хотел лишь удостовериться, что я сплю, и отошёл от окна, но я слышал, как он ходит в соседней комнате. Георгий заснул и храпел так, что стены чуть не сотрясались. В эту минуту кашлянул ребёнок, и я узнал голос Горчи, он спрашивал:

– Ты, малый, не спишь?

– Нет, дедушка, – отвечал мальчик, – я хочу с тобой поговорить.

– А, поговорить со мной? А о чём поговорить?

– Расскажи мне, дедушка, как ты воевал с турками – я тоже хочу воевать!

– Я, милый, так и думал, что ты хочешь воевать, и принёс тебе маленький ятаган – завтра дам.

– Ты, дедушка, лучше дай сейчас.

– Тебе поскорее хочется его получить?

– Хочется, да только не здесь, а то вдруг отец проснётся!

– А где же?

– А давай выйдем, я шуметь не стану.

После этих слов мне словно послышался глухой смех старика, а ребёнок начал, кажется, вставать. В вампиров я не верил, но после кошмара, который меня только что посетил, нервы у меня были напряжены. Я поднялся и ударил кулаком в стену. Этим ударом можно было бы, кажется, разбудить всех семерых спящих, но хозяева, очевидно, и не услышали моего стука. С твёрдой решимостью спасти ребёнка я бросился к двери, но она оказалась закрытой снаружи. Пока я пытался высадить дверь, в окно я увидел старика. Он нёс на руках ребёнка.

* **Ятаган** – sečná a bodná zbraň s lehce zahnutou čepelí, rozšířená u národů Blízkého a Středního Východu. Dýka.

V místnosti nikdo nebyl. Zato v okně jsem jasně uviděl starého Gorču, který zvenku přitiskl tvář ke sklu a nespouštěl ze mne své hrozné oči. Našel jsem v sobě dost sil, abych nezakřičel, a natolik jsem se ovládl, abych nevstal z postele, jako bych nic neviděl. Stařec se zřejmě jen chtěl přesvědčit, že spím, a ustoupil od okna, slyšel jsem však, jak chodí ve vedlejším pokoji. Georgij usnul a chrápal tak, že se téměř otráasaly stěny. V tom okamžiku si odkašlalo dítě a poznal jsem Gorčův hlas, ptal se:

- Ty, drobku, nespíš?
- Ne, dědečku, – odpovídal chlapec, – chci si s tebou popovídat.
- Aha, popovídat si se mnou? A o čem si chceš povídat?
- Vyprávěj mi, dědečku, jak jsi bojoval s Turky – také chci bojovat!
- Myslel jsem si to, můj milý, že chceš bojovat, a přinesl jsem ti malou dýku – zítra ti ji dám.
- Dědečku, dej mi ji radši teď.
- Chceš ji dostat co nejdřív?
- Chci, ale ne tady, co kdyby se vzbudil otec?
- A kde tedy?
- Pojďme ven, budu potichu.

Po těch slovech jako bych zaslechl starcův tlumený smích a vypadalo to, že dítě začalo vstávat. Na upíry jsem nevěřil, avšak po noční můře, která se mi právě zdála, jsem měl napjaté nervy. Vstal jsem a uhodil pěstí do stěny. Tento úder by probudil všech sedm spáčů, avšak hostitelé mé klepání zřejmě ani nezaslechli. Vrhł jsem se ke dveřím s pevným odhodláním zachránit dítě, byly však zamčeny zvenčí. Zatímco jsem se snažil vysadit dveře, uviděl jsem v okně starce. Nesl v náručí dítě.

* Pamatujte si, že **jména příslušníků států** se v ruštině píší s malým písmenem.

– Вставайте, вставайте! – кричал я что было мочи и бил кулаком в перегородку. Тут проснулся Георгий.

– Где старик? – спросил он.

– Скорей беги, – крикнул я ему, – он унёс мальчика!

Георгий ударом ноги выломал дверь, которая тоже была закрыта снаружи, и побежал к лесу. Мне наконец удалось разбудить Петра, его невестку и Зденку. Мы все вышли из дому и немного погодя увидели Георгия, который возвращался с сыном на руках. Он нашёл его в обмороке на большой дороге, но ребёнок скоро пришёл в себя. На расспросы он отвечал, что дед ничего ему не сделал, что они вышли просто поговорить, что на воздухе у него закружилась голова, а что было потом, он не помнит. Старик же исчез.

Остаток ночи мы провели без сна.

Утром мне сообщили, что по Дунаю начал идти лёд, как это всегда бывает здесь в конце осени и ранней весной. Переправа на несколько дней была закрыта, и уехать я не мог. Даже если б я и мог ехать, меня удержало бы любопытство и ещё одно чувство: чем больше я видел Зденку, тем сильнее меня к ней влекло.

Днём я услышал, как Зденка разговаривала со своим младшим братом:

– Что ты обо всём этом думаешь? – спрашивала она. – Неужели и ты подозреваешь отца?

– Подозревать не решусь, – отвечал ей Пётр, – да к тому же и мальчик говорит, что он ему плохого не сделал. А что нет его – так ты ведь знаешь, он всегда так уходил и отчёта не давал.

– Да, знаю, – сказала Зденка, – а если так, надо его спасти, ведь ты знаешь Георгия...

– Да, да, верно. Говорить с ним не стоит, но мы спрячем кол, а другого он не найдёт: в наших горах ни одной осины нет!

– Да, спрячем кол, только детям об этом – ни слова, а то они ещё начнут болтать при Георгии.

* **что было мочи (силы)** (*fraz.*) – velmi silně, rychle, nahlas atp., z plných plic, ze všech sil

– Vstávejte, vstávejte! – křičel jsem, co mi síly stačily, a mlátil pěstí do přepážky. Až se vzbudil Georgij.

– Kde je starý? – zeptal se.

– Honem běž, – křikl jsem na něj, – odnesl chlapce!

Georgij jedním kopnutím vyrazil dveře, i tyhle byly zamčeny zvenčí, a rozběhl se k lesu. Konečně se mi podařilo probudit Petra, jeho snachu a Zdenku. Všichni jsme vyšli z domu a po chvilce jsme uviděli Georgiije vracejícího se k nám se synem v náručí. Našel ho v bezvědomí na silnici, dítě však brzy přišlo k sobě. Když se ho vyptávali, odpovídal, že mu děd nic neudělal, že si šli ven jen popovídat, ale na vzduchu se mu zatočila hlava, a co bylo potom, si nepamatuje. Stařec ovšem zmizel.

Zbytek noci jsme nezamhouřili oka.

Ráno mi oznámili, že na Dunaji praskají ledy, jak tomu zde vždy bývá na konci podzimu a za časného jara. Přeprava byla na několik dnů uzavřena a odjet jsem nemohl. Ostatně, i kdybych mohl odjet, zadržela by mne zvědavost a ještě jeden pocit: čím více jsem viděl Zdenku, tím silněji mne to k ní táhlo.

Ve dne jsem zaslechl, jak Zdenka mluví se svým mladším bratrem:

– Co si o tom všem myslíš? – ptala se. – Copak i ty otce podezíráš?

– Podezírat se ho neodvážím, – odpovídal Petr, – a navíc chlapec říká, že mu nic špatného neudělal. A že tu není – vždyť přece sama víš, že vždy takhle odcházel a nikomu se nezpovídal.

– Ano, vím, – řekla Zdenka, – a jestli je to tak, pak ho musíme ochránit, vždyť znáš Georgiije...

– Ano, ano, máš pravdu. Mluvit s ním nemá smysl, schováme ale kůl a jiný nenajde: v našich horách není ani jedna osika!

– Ano, schováme kůl, ale dětem o tom ani muk, ještě by se před Georgijem podřekly.

* **Ни слова!** (*fraz.*) – rozkaz mlčet, zachovávat tajemství, ani muk

Пришла ночь, а о старике Горче ничего не было слышно. Я лежал на кровати, и луна снова освещала мою комнату. Я стал засыпать и вдруг словно каким-то чутьём уловил, что старик приближается. Я открыл глаза и увидел в окне его мертвенное лицо.

Я хотел подняться, но это было невозможно. Всё моё тело было словно парализовано. Я слышал, как старик обошёл дом и тихо постучал в окно той комнаты, где спали Георгий и его жена. Ребёнок в постели заворочался и застонал во сне. Несколько минут стояла тишина, потом я снова услышал стук в окно. Ребёнок опять застонал и проснулся.

– Это ты, дедушка? – спросил он.

– Я, – ответил глухой голос, – принёс тебе ятаган.

– Только мне уйти нельзя, отец запретил!

– Тебе и не надо уходить, открой окошко да поцелуй меня!

Ребёнок встал. Было слышно, как открывается окно. Я что было силы вскочил с постели и начал стучать в стену. Мгновенье спустя Георгий уже был на ногах. Он выругался, жена его громко вскрикнула, и вот уже вся семья собралась вокруг ребёнка, который лежал без сознания. Горча исчез, как и накануне. Мы привели мальчика в чувство, но он был очень слаб и дышал с трудом. Он не знал, почему с ним случился обморок. Его мать и Зденка объясняли это тем, что ребёнок испугался, когда его застали вместе с дедом. Мальчик успокоился, и все, кроме Георгия, опять улеглись.

Незадолго до рассвета я услышал, как Георгий будит жену, и они заговорили шёпотом. К ним пришла и Зденка, и я услышал, как она плачет. Ребёнок умер. Но никто не обвинил в этом старика Горчу, по крайней мере, открыто об этом не говорили.

В течение двух дней старик не появлялся. В ночь на третьи сутки после похорон ребёнка мне послышались шаги вокруг дома и старческий голос, который звал младшего мальчика. Я счёл своим долгом сказать об этом Георгию. Он расспросил мальчика, и тот ответил, что и вправду слышал, как его звал дед, и видел, как он глядел в окошко. Георгий строго приказал сыну разбудить его, если старик покажется ещё.

* **приводить в чувство (в сознание, в себя)** *koró (fraz.)* – dostávat někoho z mdlob, ze zapomnění, z opilosti, apod. Přicházet k sobě.

Přišla noc a po starém Gorčovi nebylo ani slechu. Ležel jsem na lůžku a měsíc znovu ozařoval můj pokoj. Už jsem usínal a vtom, jakoby nějakým šestým smyslem, jsem podvědomě vycítil, že se stařec přibližuje. Otevřel jsem oči a spatřil v okně jeho mrtvolnou tvář.

Chtěl jsem vstát, ale nešlo to. Celé tělo bylo jako ochrnuté. Slyšel jsem, jak stařec obešel dům a tiše zaťukal na okno toho pokoje, kde spali Georgij a jeho žena. Dítě se v posteli zavrtělo a zasténalo ze spánku. Několik minut bylo ticho, poté jsem znovu uslyšel ůkání na okno. Dítě opět zasténalo a probudilo se.

- Jsi to ty, dědečku? – zeptalo se
- Já, – odpověděl hluchý hlas, – přinesl jsem ti tu dýku.
- Já ale nemohu odejít, otec to zakázal!
- Odcházet ani nemusíš, otevři okénko a polib mne!

Dítě vstalo. Bylo slyšet, jak se okno otevírá. Sebral jsem všechny síly, vyskočil z postele a začal mlátit na přepážku. Georgij byl v tu ránu na nohou. Zaklel, jeho žena nahlas vykřikla a tu již se celá rodina shlukla kolem dítěte, které leželo v bezvědomí. Gorča zmizel jako včera. Chlapce jsme vzkřísili, byl však velmi slabý a ztěžka dýchal. Nevěděl, proč omdlel. Matka a Zdenka se domnívaly, že se dítě leklo, když bylo přistiženo, jak mluví s dědem. Chlapec se uklidnil a všichni kromě Georgije si opět lehli.

Krátce před rozbřeskem jsem uslyšel, jak Georgij budí ženu, a začali si šeptat. Přidala se k nim Zdenka a zaslechl jsem, jak pláče. Dítě zemřelo. Nikdo však z toho nevinil starého Gorču, alespoň otevřeně o tom nemluvili.

Stařec se dva dny neukázal. V noci, třetího dne po pohřbu dítěte, jsem zaslechl kolem domu kroky a starcův hlas volající mladšího chlapce. Považoval jsem za svou povinnost říci o tom Georgijovi. Zeptal se chlapce a ten odpověděl, že skutečně slyšel, jak ho děd volal, a viděl, jak se díval do okna. Georgij synovi přísně nakázal, aby ho vzbudil, kdyby se stařec ještě objevil.

* V češtině neexistuje přesný ekvivalent ruského slova **сўтки**. Znamená to 24hodinový časový úsek, tj. den a noc dohromady. Zapamatujte si ruské pořekadlo *День и ночь – сўтку прочь*.

Все эти обстоятельства не мешали мне чувствовать к Зденке нежность, которая всё более усиливалась.

Днём мне не удалось поговорить с ней наедине. Ночью при мысли о скором отъезде у меня сжалось сердце. Все уже легли спать, и я решил прогуляться. Дверь в комнату Зденки была приоткрыта.

Неволью я остановился. Шорох платья, такой знакомый, заставил биться моё сердце. Потом до меня донеслись слова любимой песни Зденки. Без раздумий я толкнул дверь и вошёл. Зденка только что сняла с себя верхнее платье, и стояла передо мной в сорочке и простой клетчатой юбке. Её чудесные белокурые косы были расплетены, и полуодетая она была ещё красивее, чем обычно. Она не рассердилась на меня, но была немного смущена.

– Ах, – сказала она мне, – зачем ты пришёл? Что обо мне подумают, если нас увидят?

– Зденка, сердце мое, – отвечал я и подошёл совсем близко к ней, – не бойся: никто не услышит, что я скажу тебе.

– Нет, милый, иди скорей, иди!

– Я скоро уеду, Зденка, и неизвестно, когда мы опять увидимся. Зденка, ты мне дороже всего на свете... И жизнь моя и кровь – твои. Неужели ты за это не подаришь мне один час?

– Всякое может случиться за один час, – задумчиво ответила Зденка. – Ты не знаешь моего брата, – прибавила она и вздрогнула, – я чувствую, он придёт.

– Успокойся, моя Зденка, – обнял я её и старался успокоить, – твой брат устал от бессонных ночей, побудь со мной час! А потом – прости... может быть, навсегда!

– Нет, нет, только не навсегда! – с жаром отвечала Зденка и тут же отпрянула от меня.

И я, как безумный, прижал её к сердцу.

– Ах нет, – проговорила. Она вырвалась из моих объятий и забилась в дальний угол.

Я стоял перед ней и не знал, что сказать. Вдруг я заметил, что она вздрогнула и в ужасе глядит на окно. Я посмотрел в ту же сторону и увидел лицо Горчи, который следил за нами.

В тот же миг я почувствовал, как чья-то тяжёлая рука опускается мне на плечо. Я обернулся. Это был Георгий.

Všechny tyto okolnosti mi nijak nebránily chovat ke Zdence něžné city, které stále více sílily.

Ve dne se mi nedařilo promluvit si s ní o samotě. V noci, jen co jsem pomyslel na brzký odjezd, srdce se mi bolestně sevřelo. Všichni již šli spát, rozhodl jsem se, že se projdu. Dveře do Zdenčina pokoje byly pootevřené.

Proti své vůli jsem se zastavil. Srdce se mi rozbušilo, když jsem uslyšel tolik známý šelest šatů. Potom ke mně dolehla slova Zdenčiny milované písně. Bez váhání jsem strčil do dveří a vešel. Zdenka zrovna odložila vrchní šat a stála přede mnou v košilce a prosté kostkované sukni. Její nádherné plavé copy byly rozpletené a napůl oblečená byla ještě krásnější než obvykle. Nezlobila se na mne, ale byla trochu na rozpacích.

– Ach, – řekla mi, – proč jsi přišel? Co si o mně naši pomyslí, jestli nás uvidí spolu?

– Zdenko, srdce moje, – odpověděl jsem a přistoupil k ní co nejbliže – neboj se: nikdo neuslyší, co ti řeknu.

– Ne, drahý, odejdi rychle, odejdi!

– Brzy odjedu, Zdenko, a kdo ví, kdy se opět uvidíme. Zdenko, jsi pro mne to nejdražší na celém světě... Můj život i krev patří tobě. Opravdu mi za toto nedařuješ ani jednu hodinku?

– Všelicos se může stát za jednu hodinu, – zamyšleně odpověděla Zdenka. – Neznáš mého bratra, – dodala a zachvěla se, – cítím, že přijde.

– Uklidni se, moje Zdenko, – objal jsem ji a snažil se ji upokojit, – tvého bratra znavily bezesné noci, pobuď se mnou jednu hodinu! A pak sbohem... možná navždy!

– Ne, ne, jen ne navždy! – pravila roztouženě Zdenka a hned ode mne uskočila.

A já jsem ji jako smyslu zbavený přivinul na srdce.

– Ach ne, – promluvila. Vytrhla se mi z objetí a schoulila se ve vzdáleném koutě.

Stál jsem před ní a nevěděl, co říci. Najednou jsem si všiml, že sebou trhla a vyděšeně pohlédla na okno. Podíval jsem se stejným směrem a uviděl Gorčovu tvář, jak nás pozoruje.

V ten samý okamžik jsem pocítil, jak mi něčí těžká ruka klesá na rameno. Otočil jsem se. Byl to Georgij.

– Ты что тут делаешь? – спросил он меня. Я только показал рукой на его отца, который смотрел на нас в окно. Как только Георгий его увидел, он скрылся.

– Я услышал шаги старика, – сказал я, – и пошёл предупредить твою сестру.

Георгий посмотрел на меня так, словно хотел прочесть мои мысли. Потом взял меня за руку, привёл в мою комнату и без слова ушёл.

На следующий день вся семья сидела за столом. Вдруг из леса появилась высокая фигура Горчи. Он медленно пошёл к нам и сел к столу, как это уже было в день моего приезда.

– Добро пожаловать, батюшка, – еле слышно пролепетала невестка.

– Добро пожаловать, – тихо повторили Зденка и Пётр.

– Отец, – твёрдым голосом произнес Георгий, – мы тебя ждём, чтобы ты прочёл молитву!

Старик отвернулся.

– Молитву! – повторил Георгий.

Зденка и невестка умоляли старика прочесть молитву.

– Нет, нет, нет, – сказал старик, – он мне не может приказывать! А если попробует ещё раз, прокляну!

Георгий вскочил и побежал в дом, но через минуту вернулся. Он был в бешенстве.

– Где кол? – крикнул он, – где вы спрятали кол?

Зденка и Пётр переглянулись.

– Мертвец! – обратился тогда Георгий к старику, – что ты сделал с моим старшим? Отдай мне сына, мертвец!

Старик посмотрел на него злым взглядом и не двинулся.

– Где кол? – крикнул Георгий. – Кто его спрятал, тот и будет в ответе за всё горе, которое нас ждёт!

В тот же миг мы услышали весёлый звонкий смех младшего сына Георгия, и он тут же появился верхом на огромном колу, который волочил за собой. Глаза у Георгия так и вспыхнули. Он вырвал у мальчика кол и ринулся на отца. Тот дико завыл и побежал в сторону леса с такой быстротой, которая для его возраста казалась сверхъестественной.

Георгий гнался за ним по полю, и мы скоро потеряли их из виду.

– Co tady děláš? – zeptal se mne. Jen jsem ukázal na jeho otce, který se na nás díval oknem. Zmizel však, jakmile ho Georgij zahlédl.

– Slyšel jsem starcovy kroky, – řekl jsem, – a přišel, abych varoval tvou sestru.

Georgij se na mne podíval takovým způsobem, jako by mi chtěl číst myšlenky. Potom mne vzal za ruku, přivedl do mé světnice a beze slova odešel.

Druhého dne celá rodina seděla u stolu. Najednou se z lesa zjevila Gorčova postava. Pomalu přišel k nám a sedl si ke stolu, stejně jako tomu bylo v den mého příjezdu.

– Vítejte, otče, – sotva slyšitelně špitla snacha.

– Vítej, – tiše opakovali Zdenka a Petr.

– Otče, – pevným hlasem pronesl Georgij, – čekáme, až se s námi pomodlíš!

Stařec se odvrátil.

– Modlitbu! – opakoval Georgij.

Zdenka a snacha zapřísahaly starce, aby pronesl modlitbu.

– Ne, ne, ne, – řekl stařec, – nemůže mi rozkazovat! A udělá-li to ještě jednou, prokleju ho!

Georgij vyskočil a běžel do domu, avšak za minutu byl zpět. Zuřil.

– Kde je kůl? – zakřičel. – Kam jste schovali kůl?

Zdenka a Petr pohlédli na sebe.

– Mrtvý! – obrátil se Georgij ke starci. – Co jsi udělal s mým starším synem? Vrať mi mého syna, mrtvý!

Stařec naň hleděl zlým pohledem a nepohnul se.

– Kde je kůl? – křikl Georgij. – Kdo jej schoval, ten také ponese odpovědnost za všechen žal, který nás čeká!

V ten okamžik jsme uslyšeli veselý, zvonivý smích Georgijova mladšího syna, který se vzápětí objevil na osedlaném obrovském kůlu, který táhl za sebou. Georgijovi se jen zaleskly oči. Vytrhl chlapci kůl a vyřítil se na otce. Ten divoce zavyl a vyběhl směrem k lesu s takovou rychlostí, jež se zdála být v jeho věku až nadpřirozená.

Georgij se za ním hnál po poli a brzy nám zmizeli z očí.

Уже зашло солнце, когда Георгий возвратился домой, бледный как смерть. Он сел у очага, и никто не решался расспросить его. Но вот настал час, когда вся семья обычно расходилась. Все ушли, мы остались с Георгием наедине. Он теперь вполне овладел собою и сказал мне как ни в чём не бывало:

– Дорогой гость, я был на реке. Лёд прошёл, помехи в дороге нет, теперь ты можешь ехать. Прощаться с нашими не нужно, – прибавил он. – Дай тебе бог счастья, и не поминай нас лихом. Завтра утром твоя лошадь будет готова и проводник будет тебя ждать. Прощай.

Жёсткие черты лица Георгия в ту минуту выражали почти что дружелюбие. Он проводил меня в мою комнату и в последний раз пожал мне руку. Потом он снова вздрогнул, и зубы у него застучали, словно от холода.

Я и не подумал ложиться спать. Меня одолевали мысли. В жизни я любил уже не раз. Но ещё никогда, даже при расставании с герцогиней де Грамон, я не испытывал такой печали, какая сейчас терзала мне сердце. Солнце ещё не взошло, а я уже оделся по-дорожному и хотел попытаться в последний раз увидеть Зденку. Но Георгий ждал меня в сенях. Исчезла последняя возможность даже взглянуть на неё.

Я вскочил на лошадь и пустил её во весь опор. Я с удовольствием думал о том, что очень скоро вернусь в эту деревню. Но вдруг резким движением лошадь чуть не выбила меня из седла. Она стала как вкопанная, вытянула передние ноги и тревожно фыркнула, словно хотела предупредить о близкой опасности. Я внимательно осмотрелся кругом и вдалеке увидел волка, который рылся в земле. Так как я его испугнул, он убежал в лес, а я вонзил шпоры в бока лошади и заставил её тронуться с места. Там, где стоял волк, я теперь увидел свежерытую могилу. Мне также показалось, что из земли выступал кол. Этого, однако, я не утверждаю с уверенностью, так как быстро проскакал мимо того места.

* **не помина́ть ли́хом** *koró (fraz.)* – při loučení, vzpomínce: nevzpomínat na někoho ve zlém

* **во весь опóр** *(fraz.)* – velmi rychle, tryskem

Slunce již zašlo, když se Georgij vrátil domů, bledý jako smrt. Posadil se ke krbu a nikdo se ho neodvažoval na nic ptát. Nastala však hodina, kdy se rodina obvykle rozcházela. Všichni odešli, zůstali jsme s Georgijem sami. Nyní se již úplně ovládl a řekl mi, jako by se nic nestalo:

– Dražený hoste, byl jsem u řeky. Ledy odpluly, cesta je volná, nyní můžeš odjet. Loučit se s námi není třeba, – dodal. – Dej ti Bůh štěstí a nevzpomínej na nás ve zlém. Zítřka ráno bude tvůj kůň přichystán a průvodce na tebe bude čekat. Sbohem.

Drsné rysy Georgijovy tváře byly v ten okamžik téměř přátelské. Vyprovodil mne do mé světnice a naposled mi stiskl ruku. Pak se znovu zachvěl a zuby mu začaly drkotat, jako by to bylo zimou.

Ani mne nenapadlo jít si lehnout. Myšlenky se mi honily hlavou. Nebylo to poprvé v mém životě, co jsem byl zamilovaný. Avšak ještě nikdy, dokonce ani při loučení s vévodkyní de Gramon jsem nepocítoval takový smutek, jaký mi nyní svíral srdce. Slunce ještě nevyšlo, a už jsem si oblékal cestovní oblek a chtěl jsem se pokusit naposledy spatřit Zdenku. Georgij však na mne čekal v síni. Poslední možnost ji alespoň zahlédnout se rozplynula.

Vyšvihl jsem se na koně a hnal ho s větrem o závod. S potěšením jsem myslel na to, že se již brzy do té vsi vrátím. Vtom však mne kůň prudkým pohybem málem vyhodil ze sedla. Stanul jak zařezaný, zapřel přední nohy a neklidně si odfrkl, jako by mě chtěl varovat před blízcím se nebezpečím. Pozorně jsem se kolem rozhlédl a v dálce uviděl vlka, jak hrabe v zemi. Poněvadž jsem ho vylekal, utekl do lesa a já vrazil ostruhy do koňských boků a přinutil ho pohnout se z místa. Tam, kde stál vlk, jsem nyní uviděl čerstvě vykopaný hrob. Také se mi zardálo, že ze země trčí kůl. To však nemohu tvrdit s jistotou, jelikož jsem z toho místa rychle odcválal.

* **Сѣни** – místnost mezi obytnou částí domu a vchodem do domu, vyskytující se ve starých vesnických i městských domech.

Прошло более полугодя. Я уже забыл о Зденке и о её семье. Но однажды я снова оказался в тех местах. Было слышно звук колокола. Этот звон мне был как будто знаком, и проводник сообщил мне, что звонили в недалёком монастыре. Я спросил, как он называется, и узнал, что это монастырь «божьей матери дубравной». Некоторое время спустя мы уже стучали в монастырские ворота. Монах впустил нас и повёл в помещение для путешественников. Но в нём оказалось слишком много паломников, и я спросил, смогу ли я переночевать в деревне.

– В деревне пустых домов вдоволь, – ответил с глубоким вздохом монах, – а всё проклятый Горча!

– Как это понимать? – спросил я, – старик Горча всё ещё жив?

– Да нет, он мёртв, и в сердце у него кол! Только вот он у Георгиева сына высосал кровь. Мальчик и вернулся домой, плакал под дверью. У матери, хоть она сама его и хоронила, не хватило духа прогнать мальчика на кладбище, – она и впустила его. Тут он набросился на неё и высосал у неё всю кровь. Когда её тоже похоронили, она вернулась и высосала кровь у меньшого мальчика, потом – у мужа, а потом у деверя. Всем – один конец.

– А Зденка? – спросил я.

– Ах, она от горя с ума сошла, бедняжка, – уж лучше и не говорить!

В его ответе была какая-то неопределённость, но переспросить я не решился.

– Вурдалаки – это как зараза, – продолжил монах и перекрестился, – сколько уж семей в деревне пострадало, сколько их вымерло! Вы меня лучше послушайте и переночуйте в монастыре. Вы в деревне такого страха натерпитесь!

Слово «страх» производило на меня то же действие, что звуки трубы на боевого коня. Мне было бы стыдно, если бы я не отправился туда немедленно. Мой проводник попросил разрешения остаться в монастыре, на что я согласно кивнул.

* Pozor na **odlišnou slovesnou vazbu** v češtině a ruštině:
zapomenout **na** koho/co, ALE **забыть** о ком/о чём *anebo* **забыть** кого/что.

Uběhlo víc než půl roku. Na Zdenku a její rodinu jsem již zapomněl. Jednou jsem se však znovu ocitl v těch místech. Byl slyšet zvuk zvonu. To zvonění mi bylo povědomé a průvodce mi oznámil, že vyzváněli v nedalekém klášteře. Zeptal jsem se na jeho jméno a dozvěděl se, že je to klášter Matky Boží pod dubem. Za chvíli jsme již klepali na klášterní vrata. Mnich nás pustil dovnitř a vedl do místnosti pro příchozí. Bylo v ní však příliš mnoho poutníků a já se zeptal, zda bych nemohl přenocovat ve vsi.

– Ve vsi je prázdných domů víc než dost, – zhluboka si povzdechl mnich, – a to vše kvůli prokletému Gorčovi!

– Jak tomu mám rozumět? – zeptal jsem se. – Cožpak starý Gorča je stále naživu?

– Ale ne, je mrtev a v srdci má kůl! Jenže vysál krev Georgijovu synovi. Chlapec se v noci vrátil, plakal u dveří. Matka neměla sílu, byť jej sama pochovávala, poslat chlapce zpátky na hřbitov a pustila ho dovnitř. Tu se na ni vrhl a vysál z ní všechnu krev. Když ji také pochovali, vrátila se a vysála krev mladšímu chlapci, potom manželovi a pak i švagrovi. Všichni skončili stejně.

– A Zdenka? – zeptal jsem se

– Ach, ta žalem přišla o rozum, chuděrka – darmo mluvit!

V jeho odpovědi byla jakási neurčitost, ale neodvážil jsem se přeptat.

– Vlkodlaci, to je jako nákaza, – pokračoval mnich a pokřičoval se. – Kolik rodin ve vsi již přišlo k úhoně, kolik jich jen vymřelo! Poslechněte mne raději a přenocujte v klášteře. Ve vsi nepřijíte hrůzu!

Slovo „strach“ na mne zapůsobilo stejně jako zvuk polnice na válečného koně. Styděl bych se za sebe, kdybych se tam ihned nevydal. Můj průvodce mne prosil, zda by nemohl zůstat v klášteře, s čímž jsem souhlasil.

* **не хватить дýха** что-то сделать (*fraz.*) – nemít sílu něco udělat

* **сойти с ума** (*fraz.*) – přijít o rozum, zbláznit se

Toto je pouze náhled elektronické knihy. Zakoupení její plné verze je možné v elektronickém obchodě společnosti eReading.